

Н. Е. Касьяненко

УДК 81'37:81'373.21:82-1

**КОНЦЕПТ “РИМ” КАК
ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ
ИНДИВИДУАЛЬНОГО
ТОПОНИМИЧЕСКОГО ФРЕЙМА В
ПОЭТИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА
О. МАНДЕЛЬШТАМА**

Реферат. В статье рассматривается содержательный объем концепта **Рим** в составе индивидуального топонимического фрейма О. Мандельштама. Путем контекстуального анализа выявляются общезыковые и индивидуальные семантические примитивы в структуре концепта, характеризуются его речевые репрезентанты.

Ключевые слова: когнитивная ономастика, концепт, топонимический фрейм, Рим, Мандельштам, поэтическая картина мира.

В настоящее время в лингвистической науке все более упрочивается когнитивная лингвистика, которая уже сегодня представлена совокупностью нескольких достаточно оформившихся направлений, в частности культурологическим, лингвокультурологическим, логическим, семантико-когнитивным, философско-семантическим (см. об этом [9]). Когнитивные исследования в русле ведущей антропоцентрической парадигмы касаются многих актуальных вопросов, причем не только теории когнитивистики, но и методов, а также конкретных методик анализа и интерпретации языка. На этом фоне заметным явлением стало рождение когнитивной ономастики – направления, изучающего ментальное бытование собственных имен, которые в ментальном лексиконе человека играют, по утверждению одного из ведущих исследователей в этой области Е. Ю. Карпенко, “весомую организующую роль” [3, с. 6].

Установленным на сегодня является тот факт, что мыслительный процесс человека заключается в оперировании концептами – единицами этнокультурного сознания языковой личности, обеспечивающими ее речевую деятельность, находящую вербальное отражение в языке. Концептуальный статус присущ и собственным именам. Именно в виде концептов последние сохраняются в ментальном лексиконе.

В изучении ментального существования проприальных единиц носителей конкретного национального языка особая роль отводится индивидуальным лексиконам, особенно если речь идет об ономастическом багаже творческой личности – писателя или поэта. В этом случае ментальный лексикон и, прежде всего, его ономастическая составляющая отражают сложный процесс трансформации привычного мышления языковой личности – постижение явлений окружающей действительности путем их индивидуально-образного осмысления.

В когнитивной лингвистике вообще и в когнитивной ономастике в частности оправдал себя фреймовый подход к анализу онимных концептов. При этом под фреймом понимаются “структура репрезентации знаний, в которой отражена приобретенная опытным путем информация о некоторой стереотипной ситуации и о тексте, который ее описывает” [11, с. 645]; “обобщенная структура данных представления стереотипной ситуации” [4, с. 37]; а в свете когнитивной ономастики фрейм – экстралингвальные связи, по которым “выстраивается группирование онимов-концептов в зависимости от их денотатов” [3, с. 7]. Иными словами, фрейм представляет собой форму организации концептуального пространства, предполагающую учет внеязыковых связей того или иного концепта, своего рода концептуальный контекст.

Ономастические фреймы (антропонимические, топонимические, хрононимические и др.) де-

лется на общезыковые и индивидуальные. При этом каждый имеет свою структуру и условно может быть представлен в виде определенных “кругов”. Как утверждает Е. Ю. Карпенко, в индивидуальном ономастическом фрейме как минимум четыре условных уровня – “круга”, включающих онимы различного характера. Все сказанное может быть отнесено и к индивидуальному топонимическому фрейму.

Настоящая работа предполагает анализ одного из ономастических концептов, принадлежащих индивидуальному топонимическому фрейму в языковой картине мира О. Мандельштама – одного из интереснейших поэтов “серебряного века”. Речь пойдет о концепте *Рим*. Индивидуальный топонимический фрейм О. Мандельштама, составной частью которого является и упомянутый концепт, включает различные топонимы, ориентирующие прежде всего на те места, которые были близки поэту в связи с его жизненными ситуациями, теми или иными периодами его биографии. Это и родной для него “голландский *Петербург*” с его внутригородскими наименованиями (*Фонтанка* – «Ундина баракольщиков и голландных студентов»; “легкомысленный красавец” *Каменноостровский* (проспект); *Исакий* и др.); это “*курва-Москва*”; это и *Рига*, и дача *Териоки* в Финляндии; это *Феодосия* с ее *Карантинной слободкой* (*Карантинкой*). Это “субботняя страна” *Армения*, *Эривань*, село *Аштарак* – “фольклорная житница Армении”; это *Сухум* – “город траура, табака и душистых растительных масел”, это “горбатый” *Тифлис* и *Грузия*, обольстившая поэтов “своеобразной эротикой”. Среди этого обилия собственных имен можно найти и топонимы, относящиеся к зарубежью, например *Париж*, *Италия*, *Венеция*, греческие названия и многие другие. Особое место среди них занимает *Рим*.

В русской поэзии XIX–XX веков едва ли найдется мастер слова, который так или иначе не затрагивал бы тему античности и, в частности, “римскую” тему. А. Пушкин, М. Лермонтов, Ф. Тютчев, Н. Гумилев, В. Брюсов, Д. Мережковский – вот неполный перечень поэтов, обращавшихся в разные периоды своего творчества к образу “вечного города”. Не случайное место занимает “римская” тема и в поэзии, а концепт *Рим* – в поэтической картине мира О. Мандельштама. Стихотворения, первоначально мыслимые как составляющие единого цикла (Из цикла «Рим»), были написаны вследствие посещения поэтом летом 1910 и в 1911 году Рима и Генуи (подробный обзор этих произведений см. в работе В. М. Калинкина – [2]). Итальянские впечатления в сочетании с философскими и религиозными убеждениями поэта явились тем импульсом, который послужил поводом обращения к “римской” теме, что, вероятно, стало данью символизму, отмеченному, по словам самого О. Мандельштама, “пристрастием к большим те-

мам”. Концепт *Рим* выступает в творчестве О. Мандельштама прежде всего как гиперконцепт, как центр одного из “кругов” топонимического фрейма – речь идет о круге, который Е. Ю. Карпенко именует как “зарубежье”. И, безусловно, наиболее прозрачным содержательным элементом в нем является “географический”, на что указывает нарицательное обозначение понятийного содержания топонима *Рим* – *город*, неоднократно используемое поэтом. *Рим* в своем основном значении – прежде всего город, расположенный на берегах реки Тибр в ее нижнем течении, основанный, по преданию, Ромулом. Именно такая реализация рассматриваемого концепта отражает его роль в выражении пространственной семантики поэтической картины мира О. Мандельштама, называя *место* – одну из основных категорий пространства. По замечанию Л. Г. Пановой, “ни одна вещь в поэтическом мире Мандельштама не осталась без места” [8, с. 11].

В русле данной пространственной категории находятся наименования и других локусов, которые являются неотъемлемыми атрибутами рассматриваемого концепта: названия римских холмов (“На *Авентине* вечно ждуг царя”; “здесь *Капитолия* и *форума* вдали”; “овечий Рим с его *семью холмами*”), площадей и других исторических мест (“*Ямы форума* заново вырыты...”; “Над *Форумом* огромная луна”).

Осмысление Рима у О. Мандельштама связано с восприятием его архитектуры. Архитектура – это то, что имеет определенные пространственные координаты и характеризует положение вещи в пространстве. Вообще архитектура (и не только в прямом значении данного слова) как искусство “строительства” занимала важное место в художественной картине мира поэта. Достаточно вспомнить стихотворения «*Айя-София*» (1912 г.), «*Notre Dame*» (1912 г.), «На площадь выбежав, свободен...» (1914 г.) и др. При этом важно отметить, что, по представлениям поэта, все в окружающем мире подчинено определенному порядку, гармонии, устроено в определенных формах и в этом смысле является архитектурным. Архитектура для поэта – форма организации пространства. Не случайно в одном из своих эссе О. Мандельштам употребляет своеобразный термин “социальная архитектура”, а человеческое общество воспринимается поэтом как “архитектурный лес” («Гуманизм и современность”).

“Архитектурна” у О. Мандельштама и поэзия. Рассуждая о творчестве Ф. Виллона, О. Мандельштам замечает: “Чем, как не чувством архитектора, объясняется дивное равновесие строфы, в которой Виллон поручает свою душу Троице через Богородицу – *Chambre de la Divinite*” – и девять небесных легионов («*Франсуа Виллон*» [7, с. 134]), а в статье «Утро акмеизма» уподобляет поэта зодчему, преобразующему пространство:

“Акмеизм для тех, кто, обуянный духом строительства, не отказывается малодушно от своей тяжести, а радостно принимает ее, чтобы разбудить и использовать архитектурно спящие в ней силы” [7, с. 142].

Таким образом, восприятие архитектуры у поэта философски осмыслено и носит мировоззренческий характер, а идея пространства, воплощенная в концепте **Рим**, находит речевое выражение прежде всего в поэтических “архитектурных” метафорах и сравнениях. **Рим** в стихотворениях О. Мандельштама “словно мост ненарушенный Ангела”; “город, ласточкой купола лепленный”; а метафорически связанные с Римом элементы пространства номинируются выражениями, содержащими термины античной архитектуры – “колоннада рощи”, “сквозь рощу портиков идешь”, “под вечным куполом небес”. Дополняет этот ряд и упоминание о знаменитых римских фонтанах и статуях – тоже архитектурных объектах: “...невинный молодой, легконогий Давид”, “Моисей водопадом лежит” («Рим» – 1937 г.).

Пространственное наполнение обнаруживает концепт **Рим** и в контексте стихотворения «О временах простых и грубых» (1914 г.), где контекстуальный антонимом к соответствующей лексеме выступает лексема **снег**: “Когда с дрыхлющей любовью, / Мешая в песнях *Рим* и *снег*, / Овидий пел арбу воловью / В походе варварских телег”. **Рим** здесь приобретает значение “теплое место, юг” в противоположность слову **снег**. Напомним, что отмеченное противопоставление содержит намек на ссылку Овидия в глухой городок Томы на западное побережье Черного моря (современная территория Молдавии), суровые зимы и ненастная погода которого стали “источником бедствий римского изгнанника” [5, с. 3)]. Не случайно в цикле «Тристии» Овидий пишет: “В дни, пока дует Борей и свиреп снегопадами Север, / Терпит покорно Дунай дрожь громахающих арб. / Снег да метель” [10, с. 447]. Тема изгнания объединила принадлежащего культурному римскому миру Овидия и вдохновленного античной культурой Мандельштама. У Мандельштама к названным уже значениям воплощенного концепта добавляется и *временное*: **Рим** выявляет ностальгические нотки поэта не только по родному и теплому месту, но и по *иным временам*. **Рим** – это еще и возможность для поэта прикоснуться к античности, к колыбели мировой цивилизации и культуры, к святому и великому.

Неразрывность временных и пространственных семантических слоев в структуре концепта подчеркивается и сочетаниями *далекый Рим* («По-сох» – 1914 г.), а *Рим далеке* («На розвальнях, уложенных соломой...» – 1916 г.). Вполне закономерными в этом плане являются перифраза “древность легкая, летняя, наглая” («Рим»), а также метафора “Я в Риме родился, и он ко мне вернулся” («С веселым ржанием пасутся табуны...» – 1915 г.), окрашенные “римским” колоритом и пе-

редающие ощущение для поэта причастности к античной древности во время пребывания его в Крыму. Временной оттенок носят и “цветовая” метафора “римской ржавчиной окрасилась долина” (здесь слово *ржавчина* приобретает многоосмысленность, соединяя “цвет” и “древность”), и отрицание “не город Рим живет среди веков”, и поэтическая перифраза “и – месяц Цезаря – мне август улыбнулся”. **Рим** соединил для О. Мандельштама реальное и прошедшее время, античность и настоящее, историю и современность, вечность и сиюминутность, что нашло отражение во многих его стихотворениях, например в предвоенном стихотворении «Зверинец» (ср.: “Италия, тебе не лень / Тревожить Рима колесницы” – 1935 г.). Характерно, что восприятие действительности, современной поэту, осуществляется через призму римской жизни, поскольку **Рим** для него окружен ореолом величия, свободы, играет огромную культурно-историческую роль.

Один из главных семантических примитивов в содержании рассматриваемого концепта – элемент ‘оплот католицизма’. Эта сема является ведущей не только в индивидуальной художественной речи, но и вообще в узусе. Закономерно в этом плане, что О. Мандельштам использует латинский вариант собственного имени – *Roma*, звучащий в стихотворении «Encyclyka» (1914 г.). Примечательно, что сам поэт осмысляет данное наименование как “созвучье”, как то, что воздействует на слух, намекая на повышенную чувствительность к звуковой мотивации, а звуковой повтор **р**, благодаря соответствующей рифме, заставляет читателя ощутить акустику католического собора, раскатистость звука, создает суггестивный эффект: “И голубь не боится грома, / Которым церковь говорит; / В апостольском созвучьи : *Roma!* – / Он только сердце веселит”. Отзвуки восприятия папского Рима звучат и в стихотворениях «Поговорим о Риме – дивный град!» (1914 г.) и «Аббат» (1915 г.). Католический Рим для О. Мандельштама играл особую роль в связи с его (поэта)особой религиозной ситуацией – поэт крестился в методической церкви. Это, по мнению С. Аверинцева, было сопряжено с острым желанием поэта не быть тривиальным, банальным. Протестантский обиход связывался в восприятии О. Мандельштама с честностью и правдивостью, исключаящих “патетику и недостоверные духовные притязания”, он «был в колер, в масть “матовому” миру раннего Мандельштама» [1, с. 29]. Кроме того, принятие христианских ценностей было для поэта, скорее, интеллектуальным – внешняя, культовая сторона христианства была ему чужда (см. об этом [1]).

Рим стал для О. Мандельштама символом всемирного единства, символом времени “через которое все проходит, но которое само стоит невозмутимо” [7, с. 153]. А потому Рим для русского че-

ловека осознавался как всемирная твердыня, как основа традиции. Эта католическая святыня, по мнению поэта, позволяет пробудить национальное самосознание, почувствовать внутреннюю свободу. Именно такое осмысление приобретает концепт *Рим* в стихотворении «Посох», где нравственная свобода человека, избравшего путь духовного странничества, ассоциируется со священным посохом: “*Прав народ, вручивший посох / Мне, увидевшему Рим*”. Иначе говоря, в индивидуальной художественной речи Мандельштама концепт *Рим* приобретает значение ‘священная почва традиции’ – на такую интерпретацию наталкивают рассуждения Мандельштама о личности Петра Чаадаева, который “открыл” для русского человека идею “своего Запада”, идею “синтетической народности”, но при этом остался самобытно национальным [7, с. 151-156].

Ведущим содержательным элементом концепта *Рим* в индивидуальной речи О. Мандельштама является сема ‘антропоморфность’. Именно этот семантический примитив наиболее ярко реализуется в стихотворении «Рим» (1937 г.), в котором, персонифицируя итальянскую столицу, поэт представляет читателю целый спектр индивидуально-авторских образных средств. Ключевое метафорическое сравнение “*Рим-человек*” “обрастает” дополнительными тропами: внешний облик города воплощен в метафорах: “*древность <...> с жадным взглядом и плоской ступней*”, “*морщинистых лестниц уступки*”; “И над Римом диктатора-выродка *подбородок тяжель висит*”. Полный “портрет” Рима дополняется пейоративной перифразой “*убийства питомник*” [6, с. 250]. Образ Рима в этом стихотворении дуалистичен: *Рим-человек* превращается в *Рим диктатора-выродка*.

Отмеченная изобразительная палитра не случайна, если вспомнить, что стихотворение написано в 1937 году: предчувствие грядущих событий на фоне собственной трагической судьбы заставляет поэта иначе осознать “римскую” тему. Подобное осмысление вполне закономерно, так как во всей литературной традиции *Рим* всегда воспринимался двупланово – как символ справедливости, мощи и власти и как средоточие насилия, беззакония и разврата. Достаточно обратиться к поэтическому материалу, который иллюстрирует двойственную оценку Рима, ср.: “*О Рим, о гордый край разврата, злодеянья! / Прости ужасный день, день миценья, наказанья*” (А. Пушкин «Лицинию»); “*Прости, развратный Рим, прости, о край родной...*” (М. Лермонтов «Умиравший гладиатор»); “*И Рим, чародатель единственный, / Ужасный в величье своем, / Лежит не живой, но таинственный, / Волишебным окованным сном*” (В. Брюсов); “<...> прощаясь с римской славой, / С Капитолийской высоты / Во всем величье видел ты / Закат звезды ее кровавой!..” (Ф. Тютчев «Цицерон»).

Рим О. Мандельштама воспринимается в этом ряду так же. Не случайно, рассматривая творчество поэта в тесной связи с его жизненными установками и биографическими событиями, С. Аверинцев замечает: “<...> в жизнь Мандельштама вошла тема государственности, жесткой и стройной, тема Рима” [1, с. 10]. Рим для поэта был частью природы, “естества”, средоточием законности и права, воплощением гражданственности, что нашло отражение в стихотворениях 1914 года “Когда держался Рим в союзе с естеством...” [6, с. 296], “Природа – тот же Рим и отразилась в нем...” [6, с. 96], которые у О. Мандельштама приобрели остросовременное звучание:

*Когда держался Рим в союзе с естеством,
Носились образы его гражданской мощи
В прозрачном воздухе, как в цирке голубом,
На форуме полей и в колоннаде рощи.*

Закономерно, что поэт намекает на утрату в современном ему обществе всех этих завоеваний использованием явной антитезы *гражданин – горожанин*: “*Невольно говорим: всемирный гражданин, – / А хочется сказать: всемирный горожанин*”.

Но могущество “вечного города”, сила и несокрушимость, “*образы его [Рима – Н. К.] гражданской мощи*”, связаны не только с государственностью и развитой демократией, не только с архитектурным величием и стройностью, но и с понятиями *рабы, камни, недовольные плебеи, внутренности жертв*, то есть со всем тем, что реализует отрицательные коннотации в семантике соответствующего концепта.

Все сказанное позволяет выделить в содержании концепта *Рим* амбивалентные в оценочном плане семы: ‘мощь, сила’ и ‘насилие, несправедливость, жестокость’ («*Еще жива несправедливость Рима*»). К характеристикам, из которых складывается репутация “вечного города”, можно добавить и утраченную былую власть и славу (ср. в стихотворении «Аббат» 1915 г.: “*Он все еще проходит мимо, / В тумане полдня, вдоль межи, / Влача остаток власти Рима...*” или в стихотворении «Перед войной» “*Рима ржавые ключи*”). Мифический город-кумир, притягательный город-символ в трактовке самого поэта оказывается низвергнутым с пьедестала. В связи со сказанным следует согласиться с утверждением В. М. Калинкина в отношении того, что «О. Мандельштам в “римском” цикле стихотворений, отыскивавший знаки былого величия Рима, завершил поиск панхроническим обобщением идеи “вечного” города: *Не город Рим живет среди веков, / А место человека во вселенной*” и этим утверждением «как бы “снимает” противоречие, скрытое в обозначении неизменным именем постоянно меняющегося города» [3, с. 87].

Содержание концепта *Рим* дополняется и периферийными, “случайными” семами. Так, в стихотворении «– Я потеряла нежную камею...» 1916 г. поэт пишет: “И кроткую вы наклонили шею. / Камеи нет – нет римлянки, увя. / Я Тинотину смуглую жалею – / Девичий Рим на берегу Невы”. Утерянная Тинотин Джорджадзе камея с профилем римлянки натолкнула поэта на параллель *римлянка – грузинка*. Подобная аналогия вызвана, очевидно, внешним сходством героини с римлянкой на камее. Концепт *Рим* в этом случае вследствие метонимического переноса приобретает значение ‘то, что напоминает о Риме’, а перифраза *девичий Рим* называет Петербург (*на берегу Невы*). При этом происходит *профилерование* концепта, то есть изменение его денотата, а топоним *Рим* используется по отношению к объекту родной страны.

Подводя итоги, можно говорить о том, что образ Рима, закрепившийся в сознании представителей многих поколений, стал и частью поэтической картины мира Осипа Мандельштама. При этом обращение к “римской” теме продиктовано не только определенной поэтической традицией, не столько реальными впечатлениями от пребывания в Италии, но прежде всего необходимостью сопоставить и оценить “свое” и “чужое”, прошлое и современность, стремлением осмыслить развитие собственного отечества и собственного пути в контексте истории. Возможно, именно поэтому концепт *Рим*, принадлежащий, как уже было сказано, формально к кругу “зарубежье”, воспринимается в поэтическом индивидуальном фрейме О. Мандельштама как часть ближайшего круга, как то, что связывает “свою” и “чужую” действительность. Кроме того, весомость рассмотренного концепта в творческом наследии поэта определяется исторической значимостью

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев С.С. Судьба и весть Осипа Мандельштама: Вступ. статья // Мандельштам О.Э. Сочинения. В 2-х т. – Т.1. Стихотворения. – М.: Худож. лит., 1990. – С.5-64.
2. Калинин В.М. Этюды о поэтике онимов в творчестве О.Мандельштама. IV. Aeterna urbs и Третий Рим // Филологические исследования: Сб. науч. работ / Донецкий национальный университет. – Выпуск 5. – Донецк: ООО “Юго-Восток, Лтд”, 2002. – С.78-97.
3. Карпенко О.Ю. Проблематика когнитивной ономастики. Монография. – Одеса: Астропринт, 2006. – 328 с.
4. Карпенко-Иванова У. Фрейм “Вооруженное противостояние” в русской, английской, итальянской культурно-языковой традиции. – К.: Издательский Дом Дмитрия Бурого, 2006. – 232 с.
5. Kornelia Ichin. Рим – мечта изгнанника: Овидий и Мандельштам // Toronto Slavic Quarterly. – С. 1-13. <http://www.ca/tsg/21/ichin21.shtml>.
6. Мандельштам О.Э. Сочинения. В 2-х т. – Т.1. Стихотворения. – М.: Худож. лит., 1990. – 638 с.
7. Мандельштам О.Э. Сочинения. В 2-х т. – Т.2. Проза. – М.: Худож. лит., 1990. – 464 с.
8. Панова Л.Г. Пространство и время в поэтическом языке О.Мандельштама. – Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1998. – 13 с.
9. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика / З.Д.Попова, И.А.Стернин. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 314 с.
10. Публий Овидий Назон. Тристии // Античная лирика. – Библиотека всемирной литературы. – Сер.1. – Т.4. – С.443-453.
11. Селіванова О. Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія. – Полтава: Довкілля. – К, 2006. – 716 с.

его референта, тем “сгустком” культурно-исторических коннотаций, которые предопределили устойчивую символику онима *Рим*, причем не только в национальном ментальном лексиконе, но и в ментальном пространстве носителей других языков (ср., например, у Д. Г. Байрона: “*Рим! Родина моя! Земли моей мечта!*” ; у И. Р. Бехера: “*О город на семи холмах! Вовеки / Неустрабима красота твоя!*”).

Концепт *Рим*, как показывает поэтический материал, воплощает в своем содержании как семантические примитивы общезыкового характера, так и элементарные смыслы, носящие индивидуальный характер. К ядерным компонентам смысла рассматриваемого концепта следует отнести семы ‘город’, ‘вечность’, ‘древность’, ‘вплотнение законности, гражданственности’, ‘средоточие культуры’, ‘мощь, сила’, ‘оплот католицизма’, ‘насилие’, ‘жестокость’, ‘вечность’. Общезыковые семы дополняются спектром индивидуальных: ‘то, что далеко’, ‘пространство’, ‘природа’, ‘теплое место, юг’, ‘то, что напоминает о родине’, ‘то, что утратило власть’, ‘антропоморфность’, ‘изменчивость’, ‘то, что напоминает о Риме’, ‘олицетворение нравственной свободы’, ‘священная почва традиции’, ‘архитектурность’.

Содержательный объем концепта Рим в составе индивидуального топонимического фрейма О. Мандельштама, определяется многими факторами, среди которых, безусловно, следует отметить образованность поэта, хорошее знание им античной культуры, соответствующие мировоззренческие и религиозные установки, богатейший жизненный опыт, собственные впечатления от путешествий и, конечно, безграничный талант Мастера, позволяющий по-иному взглянуть на привычные реалии окружающей действительности, осмыслить их в контексте всеобщего и вечного.

Касьяненко Н. Є.

КОНЦЕПТ *РИМ* ЯК ПРИНАЛЕЖНІСТЬ ІНДИВІДУАЛЬНОГО ТОПОНІМІЧНОГО ФРЕЙМУ В ПОЕТИЧНІЙ КАРТИНІ СВІТУ Й.МАНДЕЛЬШТАМА

У статті розглядається змістовний обсяг концепту *Рим* як складник індивідуального топонімичного фрейму Й.Мандельштама. Шляхом контекстуального аналізу виявляються загальномовні та індивідуальні семантичні примітиви у структурі концепту, характеризуються його мовленнєві репрезентанти («Λογος όνομαστική», № 1 (3), 2009, с. 84-89).

Ключові слова: когнітивна ономастика, концепт, топонімичний фрейм, Рим, Мандельштам, поетична картина світу.

Kasyanenko N. E.

THE CONCEPT OF *ROME* AS THE PROPERTY OF THE INDIVIDUAL FRAME IN THE TOPONYMS OF THE POETIC IMAGE OF THE WORLD OF O. MANDELSHTAM

The article deals with the cognitive volume of the concept – *ROME* as a part of an individual toponymic frame in Mandelstam's works. With the help of contextual analysis the common lingual and individual semantic elements in the structure of concept are revealed and its vocal representatives are defined («Λογος όνομαστική», № 1 (3), 2009, с. 84-89).

Key words: cognitive onomastics, concept, toponymic frame, Rome, Mandelstam, poetic picture of the world.